

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И ВОКРУГ: КОНСПЕКТ

О. Н. ЯНИЦКИЙ

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: oyanitsky@isras.ru).

Аннотация. Автор оценивает проект российской модернизации и возможности его реализации, влияние на нее исторических условий, государства и гражданского общества; анализируется "стартовая ситуация", коридор экономических и социальных возможностей, деградирующей индустриальной системы советского периода. Сделан вывод, что при сохранении существующих тенденций модернизация России может быть только "консервативной" по идеологии, элитарной и "островной" по масштабу, технократически ориентированной по вектору ценностей.

Ключевые слова: модернизация * информационное общество * сети * социально-экологический метаболизм * гражданское общество * Россия

Проблема модернизации России широко обсуждается. Чего недостает, так это систематичности и последовательности в самой постановке вопроса, что, на мой взгляд, имеет решающее значение. Поэтому постараюсь по мере сил восполнить этот пробел, выстроив свою *логику анализа* этой проблемы в жанре свободной дискуссии. Сам порядок ее обсуждения уже требует размышлений - нельзя же основываться на парадигме модернизации советских времен по принципу "приказано-сделано".

Что же такое модернизация? Прежде всего это не процесс создания образца будущего для копирования, а изменения во всем обществе. Это процесс позитивных изменений государства и общества, основанный на экономических, политических и культурных инновациях и ведущий в конечном счете к смене типа его экономической структуры и политической организации, повышению благосостояния людей, развитию культуры, науки и техники и сбережению природы. Я в этом общем определении не употреблял терминов ускорение, интенсификация и тем более мобилизация. Опускаю также вопрос о специфике модернизации в различных странах и культурах. Для меня принципиально важен "конечный" результат: развитие человека и общества при сохранении стабильности Биосферы как среды его обитания, потому что именно здесь кроется основное противоречие и движитель всякой модернизации. Иначе: каким образом человечество может развиваться за счет ресурсов среды, не разрушая ее? Положительный ответ на этот вопрос логически означает, что *модернизация есть процесс (способ) совершенствования социально-природного метаболизма*, то есть всей цепочки превращений, инициированный любой формой модернизации [1]. Однако - о какой модернизации идет речь: технологической или социокультурной? Эти вещи неразделимы. Разве советская форсированная (мобилизационная) индустриализация не изменила весь строй жизни советского общества и каждого человека?

Роль исторического фактора. Убежден: надо начинать с нашей истории, с ее фундаментальных закономерностей, которые одни называют "колеей модернизации", другие path dependence, третьи говорят о необходимости сохранения естественного хода событий, потому что все равно "получится как всегда". Но что именно считать решающим историческим фактором и был ли он единственным? Уже в этих трех модусах (парадигмах) заложены разные подходы к его роли. Первый подразумевает, что модернизация была всегда, но была чем-то ограничена. Второй, что она есть результат общего исторического "потока" России, третья вообще говорит о том, что социальная матрица российского общества в течении многих веков неизменная, задушит любые инновации.

На мой взгляд, решающим является *фактор связки (спайки)* на протяжении многих веков власти и собственности [2; 3], определивший - экономически и социально - *экстенсивный* характер развития российского государства. Собственно говоря, эта связка и есть то, что сегодня мы называем "властной вертикалью", то есть принципом службы (самодержцу, царю, императору, генеральному секретарю, президенту и т.д.). Обратная сторона этой медали: сращенность и нестабильность институтов (правил игры), ограниченность форм самоуправления и человеческой инициативы, "служилый люд" как опора государства. В России была "Русская правда", но никогда не было развитого института права (Кистяковский). Как справедливо заметил Ю. Пивоваров, российское общество было "передельным": в нем все время осуществлялся передел власти и собственности. В таких условиях империя и ее силы могли существовать, развиваясь только *экстенсивно*, путем захвата все новых территорий. Для чего нужна была постоянная огромная армия - основа "службы".

Отсюда вывод из истории: производство всегда было ресурсно-ориентированным, то есть на первом месте был не *промысел* (производство чего-то нового, откуда и пошло слово промышленность), а *захват ресурса* (на подконтрольных территориях) и торговля им, *сбор дани* (податей, барщина, оброк и т.д.). Россия страна "умельцев", но не новаторов, способных сломать традицию. Главными врагами государства были как раз инноваторы, поскольку они мыслили критически и позволяли себе критиковать государственные устои. В конечном счете пришли "новаторы-большевики", но и их первым принципом было не созидание, а разрушение, но теперь уже "до основания".

Второй (связанный с первым) вывод: в отличие от крестьянских общин, где все отходы хозяйства шли в дело, на огромных редко заселенных территориях страны незачем и некому было заботиться об отходах единичных предприятий - они просто выбрасывались "за забор". И так было при "царе Горохе" и в Москве 1950 - 70-х гг., когда новые жилые кварталы строились на едва прикрытых тонким слоем земли и строительного мусора высокотоксичных отходах. То есть **второй род производства:** утилизация отходов первого - просто не существовал. Не было и соответствующей культуры [4].

Третий род производства связан с качественным изменением связки наука-производство, точнее с повсеместной его химизацией и биологизацией. Если где-то до начала XX века промышленные отходы вредили природе и человеку, теперь они стали для них смертельно опасными. Говоря словами П. Дракера, начался "век перерыва постепенности". Да, история сформировала "колею", но дальнейшее продвижение по ней в нынешних условиях калечило и убивало. А культура производства и повседневности оставалась прежней: "брось за забор и забудь". Во всем мире, но не у нас, цена модернизации стала определяться не только инвестициями в исследования и разработки, но и стоимостью ликвидации ее непосредственных и отдаленных последствий (ср. аварию в Мексиканском заливе и пожары в России).

Наконец, "перерыв постепенности" заключается в перемене целей модернизации: цели накопления богатства и благосостояния человека всегда господствовали над задачами обеспечения безопасности людей и систем их жизнеобеспечения. Причем если раньше цель безопасности сводилась к обеспечению безопасности (непроницае-

мости) границ страны, то теперь риск невосполнимых потерь возможен в любой точке России: она стала обществом всеобщего риска [5; 6].

Вывод: история и ее влияние на нас неоднородны: что-то тянется из XVI века, а что-то родилось несколько десятилетий назад. И в этом разрыве влияний "длинной" и "короткой" (новейшей) истории кроется главный риск для России.

Второй определяющий момент: кто мы и в какой "точке" процесса мировой модернизации мы находимся? Общеизвестно, что Россия сегодня - это страна с незавершенной индустриализацией, обремененная рисками распада советской системы как политическими, так и технологическими (подробнее о них ниже). С *геополитической* точки зрения мы находимся между странами, переходящими в фазу "второго постмодерна" (господство информационных и биотехнологий) - США, Европейский союз (ЕС) и "Азиатские тигры", странами, комбинирующими форсированную индустриализацию и развитие информационных технологий (Китай, Индия, Бразилия), и странами деградирующими, неразвивающимися, нестабильными политически, требующими помощи со стороны развитых стран. Все эти типы стран оказывают на нас прямое или косвенное давление (претендуя на перестройку российского политического режима по их подобию или создавая цепь политико-экономических конфликтов по внешней границе РФ). У России очень небольшой выбор: или снова стать "закрытым обществом" (по образцу СССР или Северной Кореи сегодня), или войти в плотный контакт с группой наиболее развитых стран, лидером которых (пока) является США.

Возникает провокационный вопрос: а не оставить ли все как есть? Мы - это мы, а они - это они! Нефтедоллары капают, мобильники, интернет и другая техника есть почти у всех, чего не хватает - закупим за границей, включая классных специалистов: зачем суетиться? Но этого сделать уже нельзя: слишком глубоко, хотя и односторонне, мы интегрированы в мир-систему, для которой мы представляем слишком лакомый кусок, чтобы оставить все как есть. Пивоваров писал о "передельном" характере русской общины. Современная глобализация тоже носит "передельный" характер, и передельывают ее "конкистадоры" из развитых стран, которым нужны российские ресурсы (не только газ и нефть, но и живой товар). Для обозначения этого давления западные политики ввели понятие "*мягкой силы*". Сегодня весь мир озабочен проблемой эффективности энергетики, но завтра встает проблема острой нехватки пресной воды, а Россия ее главный мировой поставщик. А послезавтра еще чего-нибудь... Так что "передел" был и будет всегда! А сил, чтобы удержать новых конкистадоров, у нас явно недостаточно. К тому же, для нас они не модернизаторы, а потребители. Не менее опасны и "конкистадоры"-шерпы, обеспечивающие трафик наркотиков в Россию и далее. Россия наркоторговли и ее клиентов непригодна для модернизации.

Но есть и конкистадоры внутренние: коренная, центральная Россия все глубже осваивается народами и их организациями из некогда бывших республик СССР и их южных соседей. Я имею в виду освоение ими центральной России, Сибири и Дальнего Востока всеми возможными методами: экономическими, культурными, конфессиональными и демографическими. Русский язык, а это главная скрепа всякого государства, все меньше становится языком межкультурного общения национального государства, хотя формально им остается. Вместо того, чтобы сделать РФ (как в свое время это сделали в США) "плавильным котлом" культур, взяв от каждой из них лучшее, власть предрержащие накачивают страну гастарбайтерами и временщиками, которые рассматривают Россию или как убежище от репрессивных режимов, или как ресурс для выживания своих семей, оставшихся на родине. Эта масса людей не только абсолютно *не годна для модернизации*, она противостоит ей.

Стартовая ситуация и "коридор возможностей". Но, допустим, власть предрержащие решились на дальнейшее углубление интеграции с развитым Западом, пока еще наиболее близким нам по культуре, но относящимся к нам более чем прохладно [7; 8]. Каковы здесь наши активы и пассивы? Во-первых, если США и ЕС находятся в фазе перехода от четвертой к пятой форме модернизации (то есть от информационной к биотехнической), то мы пребываем в незаконченной третьей фазе (индуст-

риальной). Когда для тушения пожара нет нужного количества шлангов и пожарных машин, этот цивилизационный разрыв не покрывается никаким интернетом и другими системами хайтека. Напротив, заимствование нами высоких технологий без соответствующих институциональных изменений лишь увеличивает нашу зависимость от развитых стран и повышает градус социальной напряженности. Пожары 2010 г. ясно обозначили этот разрыв: мобильники у погорельцев есть, но власть трубку не берет, потому что не привыкла, не хочет или не знает что говорить [9]. А, главное, не хочет ни за что отвечать - ждет, когда премьер в "ручном режиме" решит сто тысяч местных ситуаций. Это означает, что власть окончательно стала "вещью в себе", потому что даже отказывается принять помощь волонтеров из городов: а вдруг узнают, как распродавались местные земли и разстреляют на весь мир. Городские не запуганы настолько, как местные! Получается самоубийственная ситуация: пусть все сгорит, но тихо.

Энергия распада. Коридор возможностей модернизации будет детерминирован выбросами энергии распада. Продукты распада индустриальной системы никуда не уходят - они *активны*, существенно тормозя и дезорганизуя процесс модернизации. Перефразируя Бека, эмиссия энергии распада - неустранимый продукт столкновения уходящей и нарождающейся цивилизаций [10; 11]. Эмиссия этой энергии - это не социальная патология части "здорового общества", а его имманентная составляющая. Эта энергия суть массовые социальные действия, разрушающие социальный порядок, его нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада - это актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных и политически сконструированных социальных акторов [12, с. 18]. Эмпирически эта энергия существует в форме новых групп риска: вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, 'wasted people' [13], действий "неопознанных вооруженных формирований" (НВФ), носителей афганского, чеченского и других синдромов. Она также проявляет себя в виде межэтнических конфликтов, локальных войн, криминальных разборок, исчезновения десятков тысяч людей, заказных убийств и массового терроризма. Она в экономических формах искусственного банкротства, силового предпринимательства, рейдерства, сселении людей с насиженных мест для последующего вовлечения этой "зачищенной" земли в коммерческий оборот и т.д. Все чаще случающиеся техногенные катастрофы суть также продукт распада изношенной индустриальной системы. Их корни тоже социальные: взять максимум прибыли при отсутствии общественного контроля и элементарной профилактики. Модернизация не может осуществляться по принципу *post factum*, то есть после очередной катастрофы.

Теоретически эмиссия энергии распада есть процесс, противоположный мобилизации ресурсов и накопления социального капитала, необходимых для модернизации. Если креативное социальное действие требует мобилизации ресурсов (людских, финансовых, информационных), то распад как деструктивное действие есть превращение ресурсов и их носителей в небезопасные "отходы" и их рассеивание в среде. Но есть другой источник выделения энергии распада: (многократное *превышение несущей способности* (*carrying capacity*)) среды обитания и жизнеобеспечения, природной и рукотворной, которая или становится просто ненужной, или эта среда эксплуатируется до физического распада.

Я не говорю об общеизвестных вещах, сужающих коридор модернизации и замедляющих ее темп: бегстве капитала за границу, нежелании западных компаний инвестировать в российскую экономику, силовом предпринимательстве и рейдерстве, развале науки как социального института, утрате коллективизма и этики напряженного труда, разрастании сервис-класса, которому не нужна модернизация, навязывании обществу потребительской идеологии, лозунг которой "любую модернизацию можно купить", коррупции и расколе общества на риск-производителей и риск-потребителей [14], о техногенных и социальных катастрофах, бегстве молодежи в столицы или за границу, алкоголизме и наркомании (ежегодно 30 тыс. чел. гибнет только от наркоти-

ков из Афганистана). Хочу подчеркнуть: создаваемый этими силами "коридор модернизации" не соответствует задаче "догоняющей (западный мир) модернизации", если мы выбираем этот путь. Совокупность названных выше предпосылок я называю "*низким стартом*" будущей модернизации.

Но, **если мы все же выбираем этот путь, что нас ждет впереди?** Скажу кратко: нужна великая перестройка в мозгах и социальных структурах. А теперь о западных авторитетах. Резюме их теоретических позиций выглядит следующим образом: (1) технологические инновации - ведущая сила нового этапа модернизации, и поэтому она должна быть интегрирована в концепции и само "тело" социальной структуры общества; (2) технологическая парадигма развития синергетична по характеру, так как представляет собой "кластер" взаимозависимых технологических, организационных и управленческих инноваций; (3) основой и ключевым моментом социальной структуры и социальной морфологии общества являются сети, позволяющие одновременно совладать с "текучей" децентрализацией и принимать централизованные решения; (4) происходит сдвиг от компьютерно-основанных технологий к технологиям "диффузных сетей". Сети сами по себе нейтральны, но их структурирование и программирование - предмет борьбы между экономическими и политическими силами. М. Кастельс в 2010 г. ввел понятие сетевых войн (*netwars*); (5) в результате формируется новая экономика: *информационная, глобальная, сетевая* [15; 16; 17; 18]; (6) в результате **структурно-функциональная организация производства переворачивается**: если у нас "проект" всегда запрятан в недрах "организации" и подчинен ей, то в новом обществе основой общественного производства является не организация (фирма, корпорация), а *проект* (М. Кастельс). Фирма становится ячейкой аккумуляции финансового капитала, "извлекаемого" ею из глобальных финансовых потоков; (7) на рынке труда действуют не фирмы - преобладающей формой организации труда становится гибкий (подвижный, маневренный, дисперсный) труд: частичная занятость, повременная занятость, самозанятость, работа по договору и контракту, то есть различные формы индивидуализированного труда; (8) но главное, труд разделяется на два качественно различных вида: самопрограммируемый, о котором только что шла речь, и простой, подсобный труд. Этот неквалифицированный, а потому легко обесцениваемый труд на периферии капиталистического общества является, как правило, ресурсом глобальной криминальной и теневой экономики. Это разделение видов труда ведет и у нас, и во всем мире ко все большему неравенству, социальной поляризации и сегрегации и социальной эксклюзии (те, кого З. Бауман назвал *wasted people*);

(9) **Власть и политика становятся сетевыми.** Сложившиеся структуры власти уступают место тому, что У. Бек назвал суб-политикой, то есть сетевыми взаимодействиями агентов политического процесса, действующим в обход института парламентаризма. Эти политические сети разрушают суверенные национальные государства. Современные информационные сети капитала, производства, торговли, образования, науки и культуры, а также сети ячеек гражданского общества, коммуникативных систем и криминала "обходят" государства-нации или пронизывают их насквозь. Власть потоков (знаний, информации) берет верх над потоками власти. В этом потоке все большую роль играют СМИ, которые создают и "убивают" политические фигуры. В этом смысле "четвертая власть" приобретает решающее значение.

(10) **Семья и индивид в сетевом обществе** также изменяются под воздействием сказанного, например, гибкого индивидуального труда, выполняемого дома. Но в целом изменения не критические. Дело в том, что распад семьи традиционного типа не ведет к полной изоляции ее членов. Именно благодаря сетям привычные формы общения могут сохраняться. Конечно, произойдет сдвиг от ядерной структуры семьи к сетевой. Ядрами будут ее отдельные члены, индивиды, включая детей. Семья меняется потому, что эти индивиды теперь вынуждены строить свои "жизненные проекты" (У. Бек) самостоятельно, патриархальная семья может оказать им лишь минимальную материальную помощь, но не сориентировать в абсолютно новой жизненной среде.

(11) **О культуре:** книжная культура вытесняется (Б. Дубин, М. Шугуров). Ранее четко структурированная культурная среда (ткань) теперь посредством интернета превратилась в один огромный гипертекст: "...культура становится культурой реальной виртуальности. Она принимает форму интерактивной сети в электронном гипертексте, смешивая все и вся и лишая смысла всякое индивидуальное сообщение (message), если оно вынута из гипертекста. Это не касается фундаментальных некомуницируемых ценностей, лежащих вне гипертекста" [17, с. 21]. Культура конструируется отдельными акторами, самопроизводящими и самопотребляющими. Так как общих культурных кодов в мире становится все меньше, все чаще возникает взаимное непонимание. Эта структурно индуцированная какофония - "праздник постмодернизма". Общим языком остается лишь гипертекст. Вне его культурные факты остаются чисто индивидуальным опытом. Гипертекст как средство коммуникации является продуцентом общих кодов. Но эти коды формальны, лишены конкретного содержания.

Фрагментация культуры и повторяющаяся замкнутость (recurrent circularity) гипертекста ведут к индивидуализации культурных смыслов в сетях коммуникации. Сетевизация производства, дифференциация потребления, децентрализация власти и индивидуализация человеческого опыта отражаются, мультиплицируются и кодифицируются фрагментацией смыслов в "разбитом зеркале электронного гипертекста" - где единственным общим смыслом является включение в общую сеть [17, с. 21 - 22].

Обращу внимание читателя на еще один "поворот". Если говорить о науке, то речь идет об уже идущем повсюду вытеснении социологии геоэкономикой и геополитикой. В этом сдвиге отражен тот факт, что модернизация привела к *реструктуризации* социально-освоенного времени-пространства. Сетевое общество характеризуется "безвременьем" и пространством потоков, вокруг которых организуется жизнь. "Места" играют роль, но второстепенную, временную, поскольку инфраструктура сетевого общества имеет территориальную локализацию. Время сжимается, аннигилируется, рассогласуется, так что прошлое, настоящее и будущее соединяются случайным образом (Бауман, Кастельс), дезориентируя человека. Другой аспект той же проблемы: модернизация осуществляется в трех пространствах: "твердом" (например, сеть трубопроводов), "текучем" (как, например, мигрирующая рабочая сила) и виртуальном.

Модель модернизации западного образца по силам ли нам, хотим ли мы ее, кто ее будет реализовывать? Ответ на первый вопрос очевиден: не по силам, прежде всего потому, что наше отставание от Запада измеряется не годами (40 - 50 лет), сколько необходимостью перепрыгнуть цивилизационный разрыв в "два прыжка". Не по силам - потому, что такой сдвиг требует ресурсов, которых у нас нет: человеческих, мотивационных, организационных, институциональных. Их нельзя декретировать - их можно только выращивать, на что требуются политическая воля, время и средства, в том числе и на купирование энергии распада системы, созданной коммунистическим режимом. Нужно наращивать "культурный гумус", дело это долгое [19; 20] даже при наличии глобальных исследовательских и ресурсных сетей.

Расстановка сил. Ответ на второй вопрос дан давно: "хотим жить как на Западе, а работать как при СССР". Тем не менее, ответ на него не очевиден. Не только элите, но и значительную часть потребительски ориентированного российского общества современная ситуация вполне устраивает. Элиту и ее сервис-класс потому, что перечисленные перемены, или даже их небольшая часть, подорвут ее благосостояние, и вообще она не видит для себя в модернизации профита, ни экономического, ни тем более политического, - "ресурсное проклятье" будет продолжать довлеть над нею. "Личная цена модернизации для элитарных групп слишком высока" (В. Иноземцев). Чиновничество и силовики не хотят потому, что видят свой интерес лишь в дальнейшем "переделе" власти и собственности - необходимыми ей плодами технологической модернизации они уже пользуются. У массы трудящихся (городские и сельские труженики) лозунг другой: справедливый передел, то есть "отдайте нам заработанное, перестаньте нас обманывать и обирать!". Наконец, как развитый, так и развиваю-

щийся мир, хочет, чтобы Россия оставалась его ресурсным придатком, чтобы плоды западной модернизации она покупала у них, не модернизировалась сама. Не модернизация, а *"управляемый хаос"* - вот, с их точки зрения, идеальная модель России. Кто действительно считает модернизацию России необходимой, так это лишь остатки *"мыслящего тростника"* - в правящей элите и в тонком слое интеллигенции. Наконец, в отличие от развитых стран, где социальные (в широком смысле) движения как наиболее динамичная форма социальной организации сыграли главную роль в процессе перехода к новой фазе модернизации [21; 22; 23]. Д. Рухт называет эти движения *"локомотивами модернизации"*. У нас они продолжают преимущественно носить протестный характер. Модернизация без движения? Инновации без социальной инициативы?

Наконец, ответ на третий вопрос также ясен. Правящая элита страны в свойственном ей закрытом политическом ключе начала готовить проект модернизации в форме экспериментальной площадки для разработки высоких технологий (Сколково), то есть по принципу, по которому у нас были и продолжают существовать закрытые города (ЗАТО). Здесь своя логика: этот путь опробован десятилетиями и дал реальные плоды. Только необходимого для этого интеллектуального гумуса уже нет. Привлечение профессоров-визитеров из-за рубежа - это не гумус, а мастер-классы.

Какую модель модернизации планирует осуществить правящая элита: технократическую или культурную? По всем действиям элиты и выделяемым ресурсам речь очевидно идет о технократической ее модели или еще уже - технико-технологической, не затрагивающей взятого курса на общество потребления. Если все ограничится Сколково и еще десятком экспериментальных площадок, так вероятно и будет, еще более увеличится социальная и культурная дистанция между вестернизированной технократической элитой и подсобным (поденным) классом трудящихся, удел которого быть лишь *"потребителем"* масскульта, но не создателем новых культурных ценностей. Поскольку курс уже определен и ресурсы выделены, то на культурную модернизацию надежд мало. Гражданское общество, вытесненное в интернет, может только смотреться в *"разбитое зеркало электронного гипертекста"*. Школа и вуз не готовят молодежь ни к конструированию *"индивидуальных жизненных проектов"*, ни к жизни в *"проектно-организованном обществе"* вообще.

Теперь - о лидерах модернизации и контрмодернизации. Понятие лидера модернизации подразумевает наличие группы людей, обладающих идеей модернизации, способных превратить ее в проект, создать сценарий его реализации, мобилизовать ресурсы для его реализации и контролировать этот процесс. Но это лишь схема. Как ее наполнить содержанием при заданных выше условиях ограниченного модернизационного эксперимента, осуществляемого сверху?

Снова вынужден обратиться к истории наших ЗАТО. Они участвовали в создании мощного ВПК, ядерно-космического щита страны, на них работала вся страна, но эта военно-технократическая модернизация, создав целую плеяду выдающихся ученых и инженеров, в конечном счете привела к распаду СССР. Исторический парадокс!

Вот основные типы лидеров советской модернизации, с которыми мне лично приходилось встречаться. Первый, назову его *"конкурентным"*, озабочен только решением (коллективом своего проекта) некоторой сложной научно-технической задачи лучше и раньше других. Социальный мир его не интересует, *"конкурент"* просто весь захвачен своей работой. Второй, *"размеренный"* (основательный) полагает, что если он со своей командой решил некоторую научно-техническую задачу, то о ситуации в обществе должны позаботиться другие. Третий, *"ученый-гражданин"* - редкое сочетание, ярчайший пример тому А. Н. Сахаров. Четвертый, *"гуманитарий-гражданин"* думает сначала о том, что будет с обществом, с природой и людьми, когда будет создана бомба или другое новейшее оружие массового поражения. Наконец, пятый, *"подневольный"* выполняет любую задачу, поскольку полностью зависим от власти предрержащих. Замечу, все эти типы лидеров были *"закрытыми"*, то есть культурно ограниченными людьми. Вывод: если мы не хотим повторения распада, задача модер-

низации должна быть осмыслена как комплексная с равноправным участием гуманитариев на всех названных этапах процесса.

О контр-модернизационной элите я уже говорил: эта та часть новой российской номенклатуры, которая не хочет никаких перемен, так как ее вполне устраивает statusquo. Она владеет важнейшим ресурсом, которого у модернизационной элиты нет: контр-элита является держателем (gate-keeper) всех узлов сетей и потоков (финансовых, информационных, организационных, логистических и др.), через которые должна проходить реализация проекта модернизации. В этом ее огромная сила и препятствие для любых проектов модернизации. Недаром правые заговорили о "консервативной модернизации", суть которой в некотором технологическом и организационном усовершенствовании "политики труб" без изменения принципов (ресурсно-ориентированной) экономики и политического режима.

Переходный период как проблема. Эти "про" и "контра" силы будут действовать на всем протяжении реализации даже очень ограниченного проекта модернизации, к тому же обремененные рисками распада старой системы, техногенными и экологическими катастрофами. Поэтому как жить и действовать в условиях переходного периода - открытый вопрос. Но тактически необходимо, чтобы на всем его протяжении все группы населения несли минимальные потери. Это трудная задача, потому что уже сегодня 40% бюджета тратится прямо или косвенно на социальные нужды и на предотвращение социальных взрывов. Засуха, неурожай и пожары 2010 г., помимо прямых потерь для всего населения, замедлят выполнение планов модернизации. Но, как говорится, "не было бы счастья да несчастье помогло". Во-первых, выявилась очевидная неспособность системы предвидеть и предупреждать такие катастрофы, а главное взаимодействовать с местным населением. Надеюсь, выводы будут сделаны. Во-вторых, катастрофа дала мощный импульс к объединению, к проявлению взаимопомощи и милосердия, к мобилизации сил помощи и поддержки самого населения. В-третьих, хотя и не по всей России, но во многих ее районах начнется *реальная модернизация* жизненной среды наименее обеспеченных слоев сельского населения. А закон социального сравнения никто не отменял.

Роль гражданского общества в модернизации - принципиальный вопрос. В индустриально развитых странах гражданское общество с его способностью к самоорганизации и высоким инновационным потенциалом сыграло решающую роль в новейшем рывке модернизации (замечу, что морфология гражданского общества и отражающие его понятия там ни в коей мере не сводятся к понятию "общественных организаций", как у нас). Более того, ведущие западные аналитики, следуя логике глобализации, уже 10 лет анализируют процесс формирования глобального гражданского общества, приходя к выводу, невыносимому для нашей бюрократии: деятельность гражданских организаций как в развитых, так и развивающихся странах, как правило, эффективнее и экономичнее, чем государственных и международных.

Между тем в российском проекте модернизации роль гражданского общества вообще *никак не определена*. Более того, любые попытки его организаций включиться в этот процесс подавляются: борьба вокруг закрытия-открытия Байкальского целлюлозно-бумажного комбината в 2010 г. яркий тому пример [24]. В соответствии с доктриной "вертикали власти" гражданскому обществу отводится роль даже не "приводного ремня" партийных решений (как в 1930-е гг.), а роль предохранительного клапана, снижающего уровень социальной напряженности. Никакой креативной задачи перед ним не поставлено, а оно за прошедшие 20 лет стало столь "служилым", что самостоятельно выдвигать какие-то модернизационные идеи национального масштаба не решается. Поэтому нет в нем и лидеров такого масштаба. Как и 20 лет назад, местные ячейки и ассоциации гражданского общества ведут борьбу с наиболее одиозными проектами бизнеса и бюрократии, что одновременно является борьбой за собственное выживание (группа "Химкинский лес" и тысячи ей подобных). Между тем опыт этих НПО, НКО и других форм организации гражданского общества незаменим: они созданы и функционируют по современному - сетевому - принципу.

Сетевизация - неотъемлемый признак современной модернизации, ее ключевая структурно-функциональная предпосылка. Да, ее основа - новая технологическая парадигма, в центре которой находятся базирующиеся на микроэлектронике информационно-коммуникационные технологии (ИТ); интернет становится универсальным средством интерактивной коммуникации. Но ИТ - лишь новый инструмент, средство в руках человека и общества. Мир не только признал это, но он живет в этих сетях, используя их в сотнях целей: науки, образования, культуры, объединения и взаимопомощи и... мобилизации сил для дальнейшего продвижения по пути модернизации. Сети - мощный инструмент структуризации общества *снизу*, согласно желаниям самих людей, создания новых общностей в соответствии с желаниями индивидов и законами природы. Сети минимизируют институт посредничества, эту раковую опухоль на теле российского общества, и тем самым обеспечивают *прямые поставки* товаров и услуг населению, в том числе через интернет. У сетей как инструмента модернизации есть еще одно принципиальное качество: при их помощи можно выявлять и совершенствовать структуры *социально-природного метаболизма*, о котором говорилось выше. Конечно, у всякой медали оборотная сторона: сетями пользуются силовые, теневые и криминальные структуры, контр-движения и "неопознанные вооруженные формирования". Но их наличие - не повод отказаться от модернизации. Напротив, это стимул ее развития опережающими темпами.

Здесь есть другая опасность, о которой говорят российские социологи. Если государство отторгает гражданское общество, то *оно уходит из рамок государства в виртуальный мир*. "Главной моделью гражданского общества у нас сегодня стал интернет, и только по нему можно примерно отследить реальные процессы, идущие в стране. Нигде в мире "Живой журнал" не играет такой роли: там сегодня кипят дискуссии по важнейшим культурным, научным и социологическим вопросам - все, о чем следовало бы говорить в прессе и на телевидении, обсуждается и формулируется там. Общество самоорганизуется, налаживаются связи с соотечественниками, помогает старикам, собирает деньги на лекарства для больных, вырабатывает новые учебные программы для детей и вообще живет интенсивной жизнью, не обращая ни малейшего внимания на замыслы кремлевских пропагандистов и адептов" [25]. Но если общество *целиком* уходит в этот мир, отказываясь от обратной связи с государством, то сохраняется status quo, иными словами модернизация останавливается.

Выводы и гипотезы. Кратко говоря, при сохранении названных выше условий и тенденций модернизация России может быть только "консервативной" по идеологии, элитарной и "островной" по масштабу и технократически ориентированной по вектору ценностей. Иными словами, ее инерционный характер сохранится. Это создает порочный круг: Россия будет вынуждена тратить все больше средств на покупку готовых продуктов модернизации (интеллекта, технологий, логистики, электроники, лекарств, новейшего оборудования, культурных образцов и кодов) за счет расширяющейся продажи наших невозобновимых ресурсов. Отсюда интеллектуальный разрыв между "островами" модернизации и остальным обществом будет увеличиваться, потенциально создавая опасность окончательного деления страны на "развитый центр" и "бедную и деградирующую" периферию (аналог: богатый промышленный Север и бедный Юг), всецело зависимую от милости государства. Российское гражданское общество (еще раз подчеркну: в нашей российской интерпретации), отстраненное от участия в процессе модернизации, разделится (если уже не разделилось) надвое. Одна его меньшая, но активная часть будет продолжать бороться за свои базовые права и свободы и сохранение среды обитания. Можно сказать, она всеми силами будет пытаться осуществить *другую модернизацию*: гуманистическую и экологическую. В этом деле развитый мир и большая часть развивающегося (Бразилия, Индия) - ее сильные союзники. Другая (большинство) пассивная, прежде всего сервис-класс и чиновничество, будет следовать стандартам потребительского общества. Поэтому раскол между ними будет углубляться, что и показало горячее лето 2010 года.

Коридор возможностей модернизации будет также суживаться изнутри, причем не постепенно (не линейно), а под влиянием аварий, катастроф и природных аномалий. Российская модернизация будет иметь характер не догоняющий, а "прерывистый", "синкопирующий". И учитывая уходящую в отрыв западную цивилизацию, - все более зависимой от нее. В своем развитии созданные власть предержащими "острова модернизации", основанные на высоких технологиях и сетях свободного глобального интеллектуального обмена, неизбежно столкнутся с жесткой "вертикальной" структурой управления инновациями и обществом в целом. Если не произойдет серьезных демократических перемен в политической структуре общества, Россия рискует повторить советскую, то есть технократическую и мобилизационную, модель модернизации. В конечном счете, чтобы сохраниться как государство, ничего лучшего, чем мобилизация, сверхнапряжение сил и ресурсов, история не придумала. Тем более, что экономическое и политическое влияние Китая и "южного мягкого подбрюшья" [см. также: 26] на нас будет усиливаться.

В конечном счете, как бы мы не интерпретировали модернизацию, устойчивость (sustainability) социально-природного метаболизма остается ключевой проблемой, на решение которой у нас остается все меньше времени. А это означает, что "островной" вариант модернизации хорош как эксперимент, но не годится как стратегия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fischer-Kowalski M., H. Haberl* (eds.) *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use.* Vienna: Univ. of Vienna. 2007.
2. *Пивоваров Ю. С.* Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН. 2004.
3. *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН. 2006.
4. *Yanitsky O.* *Russia Environmentalism. The Yanitsky Reader.* Moscow: Taus. 2010.
5. *Яницкий О.* Социология риска. М.: Издательство LVS. 2003.
6. *Яницкий О.* Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // *Общественные науки и современность.* 2004. N 2. С. 5 - 15.
7. *Караганов С.* "Ловушки" холодной войны // *Российская газета,* 29 августа 2008 г., с. 5.
8. *Яницкий О.* Европейские лидеры о долгосрочной перспективе Европейского Союза // *Мир и политика.* 2008. N 11. С. 41 - 52.
9. *Пожары над страной все ярче* // *Интернет-журнал ECO-HR,* N 3655, 7 августа 2010 г.
10. *Beck U.* *World Risk Society.* Maiden, MA: Polity Press. 1999.
11. *Beck U., Giddens A., Lash S.* *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order.* Stanford, CA: Stanford University Press. 1994.
12. *Яницкий О.* Социология и рискология // *Яницкий О. Н.,* отв. ред. Россия: риски и опасности "переходного" общества. Москва: Институт социологии РАН, 1998. с. 9 - 35.
13. *Bauman Z.* *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts.* Cambridge, UK: Polity Press. 2004.
14. *Яницкий О.* Риск-солидарности: российская версия // *Интер.* 2004. N 2 - 3. С. 52 - 62.
15. *Archer M.* *Sociology and Crisis (The silence of sociologists).* Paper presented at 17th ISA congress (Gothenburg, Sweden, July, 11 - 17, 2010).

16. *Castells M.* Materials for an Explanatory Theory for the Network Society // *British Journal of Sociology*, 2000. Vol. 51. No 1. pp. 5 - 24.
17. *Castells M.* Networks and Netwars. Paper presented at 17th ISA congress (Gothenburg, Sweden, July, 11 - 17, 2010).
18. *Diani M., D. McAdam* (eds.). *Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action.* Oxford: Oxford University Press. 2003.
19. *Абалкин П., Барышева А., Сорокин Д.* (ред.). *Гуманистические ориентиры России.* М.: Институт экономики РАН. 2002.
20. *Лихачев Д. С.* Экология культуры // *Знание-сила.* 1982. N 6. с. 9 - 12.
21. *Niedhart D., Rucht D.* The Analysis of Social Movements: the State of the Art and some Perspectives // *Rucht D.* (ed). *Research on Social Movements*, pp. 421 - 64, Frankfurt: Campus Verlag. 1991.
22. *Sztompka P.* *The Sociology of Social Change.* Blackwell: Oxford, UK and Cambridge, 1993.
23. *Tilly Ch.* *Social Movements, 1768 - 2004.* London: Paradigm Publisher. 2004.
24. Заявление коалиции неправительственных организаций "За Байкал!" // Интернет-журнал ECO-HR, N 3591, 4 июня 2010 г., с. 1.
25. *Быков Дм.* Мафия или секта? // *Новая Газета.* 08.11.2009. С. 2 - 3.
26. *Малашенко А.* Постсоветские государства Юга и интересы Москвы // *Pro et Contra.* 2000. Т. 5. N 3. С. 34 - 47.